

СТЕПНОЙ ОАЗИС

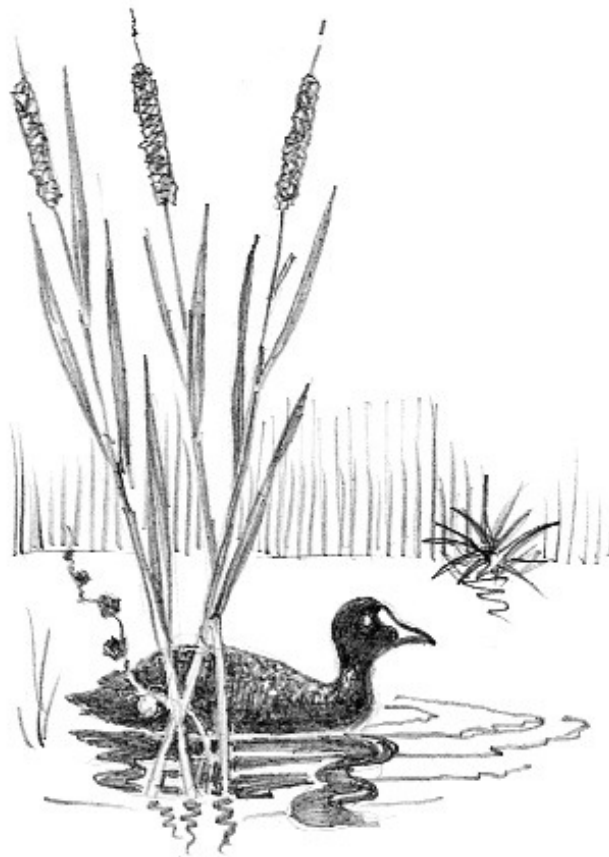
Берёзовые рощи, колки в засушливой Кулундинской степи растут там, где грунтовые воды близки к поверхности. От опушек к середине леска небольшой уклон - "блюдечко" получается. В середине этого "блюдечка" озерко. Чистое, прохладное. Дно песчаное, гладкое, твёрдое. По берегам рогоз и лебединая гречиха. Дальше камыш, потом кочкарник, заросший лозняком. Затем идёт кольцо тёмного гулкого осинника с костяникой понизу и, наконец, обруч светлых берёз с редким подлеском из акаций и шиповника. Роскошные поляны и опушки. Цветы ковром! Земляники - прорва, и запах от неё такой - собирать не надо: духом сыт. Порхающие бабочки вперемежку с искорками стрекозиных крылышек делают игру солнечных зайчиков ещё волшебней и ослепительней. Гудят шмели, и неумолчно стрекочут кузнечики, заглушая щебет птиц. Только короткая серебряная рулада иволги из мрачного осинника прерывает на миг этот непрерывный звон. Но всё это было давно, много лет назад, в волшебную пору послевоенного детства.

Потом люди почти везде угробили эту красоту. Рубили, корчевали, выкашивали, "веточный корм" заготовливали. Грузди граблями гребли, цветы охалками выдирали, земляничные поляны и роднички скот затоптал. Ушла красота, пропал медовый аромат. Смолкли флейта иволги в чаще и стрекот кузнечиков на опушках. Духота, чахлость. Покой остался. Мёртвый...

Стоп! Назад, в сладкую память о детстве! Взрослые редко забирались в середину леса - топко, комарьё. Только мы, вездесущие мальчишки, пробирались иногда небольшой ватажкой до середины степного оазиса. И в одиночку я любил в жаркий полдень наведаться к озерку. Страшновато в глухом сумеречном осиннике! В кочкарнике топко и липко, в лозняке и камышах тесно. Комары, встревоженные вторжением, лезут в глаза, рот и нос. Скорей, скорей из тёмного, липкого, топкого! И вдруг как в громадный радужный мыльный пузырь влетел - полусфера неоглядного неба с ослепительным солнцем не только над головой, но и под ногами в сказочном озерке дрожат-переливаются! Стрекозы мельтешат над водой и чалят к торчащим из воды стебелькам, сверкая ёлочными игрушками. Ласточки на лету макают клювики в голубое бездонное озерко-небо. Кажется, что рогоз растёт и вверх и вниз, настолько чётко и ясно отражение. На его шоколадном початке сидит крохотная пичуга и безбоязненно смотрит на пришельца. Вдоль кромки растительности плывёт водяная курочка. Головка налево - толчок, головка на-

право - толчок. Замерла. Увидела чужака, сказала: "Кек" и... исчезла.

Здесь, на солнце, комаров нет. Снимаю рубашку и штаны, кладу на густой кустик и вхожу в озерцо. Ух! Пупок испугался прохлады, втянулся. Иду аккуратно, чтобы воду не взбаламутить. Чем ближе к середине, тем твёрже дно. Песочек как частым ситом просеянный. Середина. Вода до подмышек. Делаю глубокий вдох, ложусь животом на воду и поджимаю колени. Сделал "поплавок". Открываю глаза и оглядываю дно. Ага! Вот он родничок. Прямо под мной крутится спиралька песка. Делаю несколько глотков сладкой холодной воды и встаю на ноги. Вода прозрачна, как только что вымытое окно. Солнечные блики дрожат на золотом дне. Иду поближе к берегу, там интересней. Толкунцы над водой столбиком пританцовывают. Водомерки без аварий газуют во всех направлениях. Паучок выткал тончайшую узорную сеть между двумя стебельками, а самого не видно, спрятавшись. Маленький зелёный лягушонок загорает, распластавшись на воде. Здесь мелко и вода теплее.

Погружаю лицо в воду и разглядываю подводный мир. Игра света в зарослях ещё прихотливей и фантастичней. Травинка облеплена пузырьками воздуха, а в каждом пузырьке жучок-паучок живёт. По чёрной мёртвой ветке ползёт страшное многоногое, глазастое страшилище. Караковый жук-плавунец гребёт прямо в открытое море. Всё. Пора расставаться с волшебным миром. Выбираюсь на опушку. Тётя и кузины, подремав в тени, уже тяпают картошку. Присоединяюсь.